

УДК 008:39

Этнокультурные традиции бытовой религиозности в насыщенности интерьера сакральными элементами

Шахов Вячеслав Александрович

Заслуженный работник культуры РФ, кандидат культурологии, доцент,
Калининградский государственный технический университет,
236022, Российская Федерация, Калининград, просп. Советский, 1;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Черниговский Никита Николаевич

Канцлер,
Лига славян-католиков Св. Адальберта,
LT-00000, Литовская Республика, Клайпеда, Шилутский тракт, 84-66;
e-mail: nikapetr3@mail.ru

Аннотация

В статье иллюстрируется исследование процесса возрождения религиозной культуры жителей Юго-Восточной Балтии в период 1995-2016 годов, включая изучение религиозных настроений в семьях литовских и российских римо-католиков в Западной Литве и Калининградской области. Было выявлено, что процесс религиозного возрождения как в Литве, так и среди Литовской диаспоры в России наблюдается прежде всего среди литовцев. Отмечено, что повседневные религиозные чувства и настроения (бытовая религиозность) возрождается гораздо быстрее, чем формальное соблюдение религиозных обрядов. Наиболее ярким свидетельством этого является растущее присутствие различных сакральных предметов в домашнем интерьере. В семьях русских католиков сакральные объекты литовской традиции не нашли отражения, что подчеркивает независимость религиозной ориентации этой страты от влияния религиозных норм титульной нации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шахов В.А., Черниговский Н.Н. Этнокультурные традиции бытовой религиозности в насыщенности интерьера сакральными элементами // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 784-799.

Ключевые слова

Религиозная культура, бытовая религиозность, Западная Литва, Принеманье, сакральные изображения, рехристианизация.

Введение

С середины 1990-х годов на постсоветском пространстве начался период воссоздания традиционной религиозности, а также созидания в государстве и обществе религиозной толерантности – принятия разности вероисповеданий в качестве нормы. С другой стороны, до сего дня сохранилось практически полное незнание основной массой граждан постсоветских стран даже элементарных основ христианства. В частности, большинство жителей Принеманья не догадывается о значительном догматическом и каноническом единстве Восточной и Западной Апостольских Церквей. Показательно наблюдение архиепископа Тадеуша Кондрусевича, печально утверждавшего: «Когда я стал епископом в Белоруссии, на вопрос – с чего я собираюсь начинать работу, я ответил: с фундамента. Когда вскоре после этого я увидел ситуацию в России, то подумал: здесь надо сначала вырыть котлован под фундамент» [Кондрусевич, 2001]. Разумеется, это эмоциональные утверждения, поскольку даже приблизительной объективной оценки состояния религиозности населения на постсоветском пространстве нет. Сегодня, как и во времена Апостолов, служение Евангелию – это не отчуждение от реального мира, это – формирование будущего. Папский Совет по диалогу с неверующими определил, что евангелизация постсоветского пространства практически является рехристианизацией и долженствует в результате сформировать новую культуру.

Материалы и методы

С целью диахронного исследования процесса рождения этой культуры, нами на материалах полевых этнографических исследований, проводимых в период с 1995 по 2016 гг., изучались католические по традиционной ориентации и самовосприятию семьи Западной Литвы и восточных районов Калининградской области России. Изучалось состояние бытовой религиозности у литовского и русского населения католической культуры в городах Литвы – Клайпеде, Шилуте, Кретинге, Гаргждае, Тельшае и Паланге, а также в близлежащих городах Калининградской области – в областном центре, в Советске и Черняховске. Поскольку все названные города, кроме Клайпеды и Калининграда, являются лишь центрами близлежащих

сельскохозяйственных районов, то респондентов разделяли на как жителей городской или сельской ментальности. В каждом населенном пункте было проинтервьюировано в среднем по 16 русских и литовских семей, поровну сельской и городской ориентации. В Шилуте, Кретинге, Гаргждае и Тельшае семей русских католиков выявлено не было (точнее, наличествуют смешанные семьи, не идентифицируемые как русские католики в силу полного принятия литовской этнокультуры). При этом мы констатировали, что уже в 90-е годы XX века большинство жителей Принеманья причисляли себя, пусть номинально, к той или иной конфессии.

Второй Ватиканский собор, проходивший в 1962-1965 годах при двух Папах – Иоанне XXIII и Павле VI, – священнодейственными обрядами называет молитвенное обращение к Богу и благочестивое выражение собственной веры, переживаемые и исповедуемые в конкретных действиях. Это важнейший аспект внелитургической ментальности народа, ибо в этой обрядности сходятся воедино религиозные, философские, культурные и патриотические ипостаси национального духа. Смысл внелитургической молитвенности заключается в том, что в ней каждый человек акцентирует основные вехи собственной жизни.

Обряды устанавливаются Св. Церковью, исходя из потребности времени и традиций определенного народа, их достойное использование может быть направлено на освящение человека и прославление Бога [Теста, 2000, 95-97, 105-106]. Обряды дают членам Св. Церкви возможность освящать события нашей жизни благодатью, их достойное использование должно быть устремлено к прославлению Бога и к освящению человека, позволяет верующим легко, но сознательно и деятельно войти в спасительную Тайну Христову. Поскольку бытовая религиозность, внекостельная обрядовость, основанная на глубинных пластах народной культуры, менее других подверженных воздействию внешних влияний, проще других аспектов духовности поддается восстановлению, мы полагаем ее первым этапом рехристианизации населения региона и уделяли ей особое внимание.

Респондентами в наших исследованиях были прежде всего литовцы – как жители метрополии, так и диаспора в Калининградской области. Ранее уже приводились данные относительно успешно возрождающейся в этом регионе традиции благотворительной деятельности католических общин [Пейзене, Зубайте, 2009].

Литовская этнография: история христианской духовности

Литовскому народу, как известно, присуща целостная система священнодейственных обрядов, включая внецерковную религиозность, в понятие которой входят и элементы сакральности в жилищах. Это послужило основой сохранения литовской идентичности и

независимого развития народной культуры на протяжении всей истории. Живая национальная традиция, транспонированная в высокую христианскую духовность при материнском попечении Св. Церкви, существует у литовцев не только в возвышенные моменты святой молитвы, но ежеминутно, на уровне повседневного бытового сознания.

Надо признать, что литовский фольклор и важнейшая его часть – внецерковная обрядовость – в целом весьма сложен для постижения людьми, не знающими литовского языка и этнокультуры народа, что отмечал еще великий Бодуэн де Куртине в предисловии к сборнику А. Юшки. К сожалению, труды по литовской этнографии – от просветителя епископа Матеюса Валанчюса и вплоть до Видунаса – не вошли в России не только в общекультурный оборот, но практически не используются и в среде специалистов. В переводах же на русский язык сложно передать самобытность, своеобразную теплоту, лиризм, нежность и непосредственность литовского мелоса и поэтики [Чюрлионите, 1966]. И, к сожалению, это положение затрудняет изучение и предметов прикладного народного искусства и их роли в литовской духовности.

Литовцы за годы советской власти не утратили бытовой религиозности в части традиционного облика интерьера жилищ. Одним из элементов сакрального интерьера в литовских домах является мелкая керамическая или гипсовая пластика, которая у литовского, как и у большинства других народов, имеет традиционные формы. Быстрое возрождение этой традиции в независимой Литве свидетельствует о жизнестойкости народной религиозной ментальности. Действительно, литовские религиозные традиции для их носителей не декоративный элемент формально воспринимаемых обрядов, а живая жизнь народа. При этом отсутствует религиозный фанатизм, а светское мировосприятие присутствует даже при переживании собственно религиозных моментов жизни – такова первооснова народного благочестия литовцев. Но для литовской диаспоры России важнейшей проблемой является недостаточное знакомство с культурой предков *in corpora*, включая религиозно-обрядовую составляющую, несмотря на то что литовское национальное меньшинство не утратило национального самовосприятия.

Другой частью католической паствы в изучаемом регионе, прежде всего в Калининградской области, еще более четко выявляющей состояние религиозности населения, являются этнические русские. Ныне в католических парафиях Российского Принеманья русских не меньше, чем литовцев. Для многих современных русских католиков принятие католицизма стало открытием новой религиозной и культурной традиции. Преобладает склонность к философскому и эмоциональному пути к Богу, но бытовая, обрядовая религиозность низка, ибо или утрачена семейная традиция, или речь идет практически о

прозелитах. Ныне русский католицизм продолжает оставаться в значительной степени конфессией элитарных слоев общества. Существенно отметить, что большинство среди русских прихожан составляет интеллигенция и студенчество, молодые люди.

Проблемы этой страты общие для всего русского населения области, в том числе и православного, религиозные ориентации которого необходимо учитывать при описании и русских католиков, ведь одной из основ целостности поликонфессионального общества Принеманья стал выработанный им своего рода внутренний *modus vivendi* в форме этноконфессиональной толерантности в сферах межличностных, семейных, общинно-приходских и деловых отношений. Безусловно, в Калининградской области преобладают русские семьи православной ориентации. По данным ортодоксальных клириков, на сегодняшний день Русскую Православную Церковь своей конфессией считают 73% калининградцев (хотя еще недавно этот процент вообще не выражался целыми числами). При этом количество действительных носителей православной этнокультуры невелико: православные клирики утверждают, что 95% населения не знает элементарных основ ортодоксальной традиции, даже на уровне уроков атеизма в советской школе [Российские контрасты..., 2002]. Велики опасения Ортодоксальной Церкви в осмыслении населения себя как паствы, даже потенциальной. В то же время, в регионе отсутствуют попытки радикального изменения конфессиональной структуры, прежде всего благодаря демократическому законодательству и наличию православно-католических межцерковных соглашений, осуждающих прозелитизм, что способствует созданию системы отношений, призванной поддерживать высокий уровень конфессиональной толерантности.

Наши экспедиционные данные свидетельствуют, что ныне православное население области имеет весьма приблизительное представление о Католической Церкви, культуре и особенностях вероучения – в основном отмечают только внешние отличия в убранстве храмов, времени и традициях религиозных праздников. Многими внешние формы богопочитания воспринимаются как суть вероисповедания, а внешние различия христианских Церквей – как принципиальная несовместимость вероучений (в церковных терминах – *обрядоверие*). Существует даже стереотип восприятия русскими католицизма не как мировой религии, а как национальной церкви балтских и польского народов. Отметим, что русское население всех конфессий во многом оказалось и вне национальных традиций, практически сам феномен русской народной религиозности в регионе почти утрачен, чем отчасти и объясняется наблюдаемое ныне быстрое продвижение в этой среде отпавших ветвей, вплоть до новоеретических сект.

Будучи вне каких-либо конфессиональных связей, русские тем не менее в основном по

самовосприятию православные. В межличностных отношениях опрошенных практически нет различий, связанных с вероисповеданием, восприятие инославных в большей степени соответствует английскому понятию *acceptance*, что можно перевести как *принятие* – принятие разности вероисповеданий в качестве нормы, и в целом к другим конфессиям большая часть респондентов относится, скорее, безразлично.

Основным методом в настоящей работе было внутреннее наблюдение за качественным состоянием исследуемой страты, однако, такие данные с трудом поддаются статистической обработке. Разумеется, мы весьма критично относимся к максималистскому тезису, что «статистика – единственный научный раздел культурологии». К тому же любой статистику следует воспринимать с большой осторожностью, тем более в интимных областях человеческого существования и в исследованиях, производимых на территории государств, не столь давно переживших период тоталитаризма. Как известно, глубинные состояния духовности плохо описываются социологическими методами, ибо не выявляются без весьма глубокого психологического анализа личности и этнокультурного изучения страты, к которой принадлежит субъект исследования. Очевидно также, что процесс формирования элементов духовной жизни напрямую зависит от состояния общества, от наличия социальных и культурных условий, стимулирующих их возникновение, становление индивидуального миропонимания.

Следует предупредить, что наши данные ни в коей мере не совпадают и не должны совпадать с оценками клириков, которые несопоставимо ригористичней: с позиций же Законов Церкви верным Св. Католической Церкви может считаться лишь человек, приобщающийся Святым Тайн не реже раза в год, чего реально не придерживается большинство жителей Принеманья в возрасте от 20 до 50 лет.

Чтобы оценить и проанализировать межконфессиональные отношения в настоящий момент и выявить тенденции их развития, необходимо рассмотреть их динамику на протяжении всего изучаемого периода, используя сравнительно-исторический и системный методы исследования. Исходным тезисом принятой нами методологии исследования религиозности населения было то, что наиболее простым способом выражения культуры в части декларирования религиозности является степень включения в интерьер жилища сакральных изображений и элементов декора. Кстати, с житейских позиций существенно, что это делает обстановку живой, наполняет ее не только духовностью, но и уютом. Поэтому мы решили дополнять качественные данные внутрискратовых наблюдений состояния бытовой религиозности количественным изучением одной из существенных (с точки зрения этнографа) составляющих традиционного мышления, а именно – насыщенности дизайна интерьера

жилища сакральными элементами. Ведь религиозно-окрашенный декор не так сложно вписать и в традиционный национальный, и в современный интерьер, что наполняет его смыслом, духовным содержанием, делает его завершенным и целостным.

Можно полагать, что эти факторы в определенной мере не менее солидны для определения интенсивности именно бытовой религиозности, как минимум, литовцев среднего и низкого социального статуса, чем наблюдения за прихожанами в костелах, но организационно несопоставимо проще. К тому же попытки прямых статистических наблюдений в костелах на постсоветском пространстве все еще воспринимаются респондентами как нежелательные: многолетняя богоборческая деятельность привела к отторжению не только клириков, но и простых прихожан от любых, даже потенциальных форм контроля общины, воспринимаемыми как ограничение свободы совести.

Предварительный анализ проблемы, включая состояние интерьера жилищ представителей изучаемой страты населения Западной Литвы, с точки зрения соответствия бытовым традициям католицизма был предпринят нами в 1995 году, избранном за нулевую точку отсчета. На окончании XX века в ходе полевых этнографических исследований нами констатировалась явная ненасыщенность интерьера жилья семей католической культуры традиционными сакральными изображениями. Было выявлено, что в интерьере как городских квартир, так и сельских домов, традиционные сакральные изображения встречаются значительно реже, чем в других католических государствах, близких по экономическому и социальному уровням развития прежде всего к соседней Польше. На 1995 год в квартирах литовских католических семей (это уточнение производится в связи с тем, что в Западной Литве существует статистически значимое число литовских семей протестантской традиции) с низким социальным статусом – промышленных низкоквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих и т. п. – мы увидели незначительные сакральные элементы интерьера лишь у 16% городских и 28% сельских жителей. Это главным образом распятия, висящие на стене четки и окантованные графические изображения, изготовленные в межвоенный период или иллюстрации, вырезанные из литовских и польских католических журналов, а также копии соответствующих классических живописных произведений, как правило, вырезки из журнала «Огонек». Отметим, что характерные для Центральных и Южных районов Литвы китчевые фотоколлажи на тему внецерковной обрядности в Западной Литве весьма мало распространены.

В домах 20-25% литовских семей более высокого социального статуса – квалифицированных рабочих, медсестер, торговых работников, мелких служащих и воспитателей дошкольных детских учреждений – находились изделия сакрального характера

более высокого художественного уровня: традиционная жемайтійско-пермская резьба по дереву, полихромные офорты и авторские гравюры. При этом следует отметить, что деревянная жемайтійская скульптура воспринимается скорее не как сакральные предметы, а как атрибутика патриотических настроений семьи.

Следует отметить, что аналогичное исследование домов католических семей в Калининградской области в советское время было и практически невозможно из-за определенной этнической замкнутости этих страт, да и сегодня трудоемко и не столь однозначно по результатам, как в Литве. Это вызвано существующими у членов национальных общин России опасениями этнорелигиозных конфликтов, во всяком случае, на бытовом уровне. Поэтому их представители уклонялись не только от общения на религиозоведческие темы, но и вообще от посещения своего жилья малознакомыми людьми, ограничивая пребывание гостей одной комнатой, играющей роль гостиной, в интерьере которой никаких национальных и, тем более, религиозных элементов не обнаруживалось. Вполне ожидаемо, что в условиях религиозной свободы, несомненно, присутствующей ныне в описываемом регионе, эта особенность населения будет постепенно преодолена.

Современным русским присуще принятие разности вероисповеданий в качестве нормы существования гражданского общества (отсутствие ксенофобии). Напомним, что по определению II Ватиканского Собора, социальная сплоченность – важнейшая черта Гражданского Общества – служит Духу, Который ее оживляет к возрастанию Тела. При этом у русских католиков сохраняется восприятие Православной Церкви как своей национальной, не появляется этнокультурное расслоение. Русские прихожане-католики не воспринимают Церкви как разделенные, противоположные. В соответствии с известным мнением, высказанным во время диалога Павла VI и патриарха Афиногора, они находят в Ортодоксальности правоверность, а в католичестве – универсальность [см. Клеман, 1993]. Это служит надежным основанием гражданского общества Калининградского эксклава.

Русские католики в Калининградской области практически полностью принадлежат к средним социальным стратам, половина из них – семьи интеллигенции в нескольких поколениях. Описание их религиозных воззрений, как и психологии членов страты в целом должно послужить предметом отдельного комплексного длительного исследования религиоведов, этнографов и историков. Особенности этих верующих настолько велики, что некоторым ксендзами они кажутся сомнительными с точки зрения чистоты католической веры. В частности, семейные традиции ставят их носителей на грань биконфессиональности – почитание икон ортодоксальной традиции, часто случающееся отпевание усопших по православному обряду, привычка молиться в православных церквях и даже исповедоваться

ортодоксальным пресвиторам в ситуации, не подпадающей под определение *in extremum*. Вопросы приобщения Святых Тайн в таких случаях решаются православным священником.

Отметим, что внешних признаков бытовой религиозности в интерьере жилищ русских католиков в Принеманье, как и в иных аспектах поведения и образе жизни, вообще немного, прежде всего из-за сложившихся стереотипов многих поколений полукатакомбного вероисповедания в этих семьях. Не беремся оценить предпочтения в интерьере всех русских католиков, но, кроме конспирологических соображений, у жителей Литвы, Латгалии и Калининградской области существует стойкое убеждение, что религиозную ориентацию семьи не стоит открыто демонстрировать, выставляя напоказ сакральные предметы, поскольку уподобление дома храму до известной степени кощунство. Максимально допустимо внести в интерьер лишь легкие католические мотивы, например, посредством копий классических произведений. Даже распятие в таких домах встречается крайне редко, а четки помещаются на видном месте лишь в случае, когда они привезены из мест паломничества, например, на Святую Землю или Святой Афон. Клирики отмечают, что чтением молитв Св. Розария многие русские католики вообще пренебрегают, кроме последней недели Великого Поста.

Характерно также, что они редко заимствуют фольклорные благочестивые элементы интерьера из обихода местных единоверцев. В частности, изделия из раскрашенного гипса полагают уместными лишь в костелах, но не дома. Отметим также, что благочестивые элементы из интерьера своих жилищ русские католики редко используют для молитвенного поклонения. Исключением являются статуэтки и иконы Пресвятой Девы – частое молитвенное обращение к Ней естественно для русских всех конфессий, особо любящих и почитающих Богородицу, надеющихся на Её постоянный Покров. Любопытно также, что русские католики молитвенно обращаются к находящимся в их домах ортодоксальным иконам, особенно к семейным образам. В отличие от русских католиков, православные россияне вообще не ощущают сакральности в элементах интерьера чисто католического звучания. Однако количественно описывать изменение насыщенности жилища сакральными элементами достаточно сложно.

Нами прослежена динамика изменения интенсивности покупок сакральных предметов интерьера, предназначенных для украшения жилищ. Изучалась продажа керамических и гипсовых изделий, соответствующих традициям внецерковной религиозности населения Западной Литвы, произведенных в Цехе народных мастеров Норвегии, в котором работает несколько специалистов, чьи творческие интересы лежат в области такого производства. Значительная их часть – выходцы из этой страны, от первого до третьего поколения мигрантов. Отслеживалась продажа подобной продукции в период от 1995 по 2016 годы в

городах, в которых не было продажи конкурирующих изделий такого рода по доступным для потребителей из исследуемых групп ценам. С учетом катастрофически низкого материального уровня жизни исследуемого населения, мы осуществляли распространение соответствующей продукции практически как благотворительной помощи (продавали по лишь частично компенсирующим затраты на производство изделий ценам через отделы промышленных и сувенирных товаров универсамов). Услугами специализированных лавок при костелах и католических организациях мы не пользовались, ибо в таких случаях на интенсивность продаж влияет естественный пиетет верных перед Св. Церковью. Продажа продукции сопровождалась маркетинговыми, социологическими и этнокультурными исследованиями. Таким образом, была выявлена динамика потребности в продукции в изучаемых городах Западной Литвы и в близлежащих к границе городах Калининградской области.

Для продажи изготавливались небольшими тиражами – до нескольких сотен экземпляров – барельефы и горельефы двух типов: с четко выраженным католическим характером и относительно светского характера на религиозные мотивы. Тем ни менее все изделия имели четко выраженное католическое звучание, что практически исключало искажение социологических данных фоновым влиянием покупок части товара не католическим населением – атеистами и людьми православной и протестантской культуры.

Выяснилось, что покупательским спросом пользуются только изображения Спасителя и Пресвятой Девы. С традицией почитания изображений святых, за исключением Св. Казимира, современные жители Западной Литвы практически не знакомы. Из этой закономерности выпадают жители Кретинги, в которой трудами братьев-францисканцев, развито преклонение перед заслугами Св. Франциска Ассизского. Впрочем, именно в этом городе покупки сакральных изделий нашего производства вообще минимальны, ибо население предпочитает покупать подобного рода продукцию в лавке почитаемого горожанами монастыря Младших Братьев, в чем полагает особую богоугодность, каковую трудно снискать в приобретении мелкой пластики в сувенирном отделе универсального магазина.

Наблюдения показывают, что максимальный спрос на наши изделия наблюдался в первые два-три года продаж, несмотря на то что именно они приходились на дни наиболее острого экономического кризиса в регионе. Далее спрос стабилизировался на уровне 75-80% от первоначального примерно до 2012-2014 годов, после чего в Литве, вероятно, в связи с частичным насыщением рынка, началось значительное падение спроса. Также выявилось, что при покупке окрашенных гипсовых барельефов преобладал интерес к цветам традиционной для Жемайтии окраски. Отметим, что существующее падение спроса в Литве происходит также в значительной мере от конкуренции аналогичной продукции, поступающей в ходе

приграничной торговли с Польшей и доставкой такого рода пластики многочисленными мигрантами и гастарбайтерами из католических земель Германии. При этом надо подчеркнуть, что наибольшую конкуренцию нашей продукции в Литве составляют исполненные абсолютно вне католической традиции, и более того вне христианской ментальности яркие китчевые изделия из Китая. Мы не утверждаем, что выросшие в конфуцианских традициях китайские предприниматели имеют цель сознательно оскорбить христианские чувства верующих и просто не имеют базовых представлений о христианской духовности. Важней отметить, что в Литве охотно раскупаются продукцию восточного гиганта, дикую с точки зрения христианского вероучения и традиций: настенные часы с изображением Мадонны, движущей глазами в такт движению маятника, сборно-разборные распятия, где потребитель в порядке культурного отдыха может золочеными гвоздиками самостоятельно многократно распять Спасителя и т. п.

К сожалению, нам не удалось, как это изначально предполагалось, повторно измерить количество сакральных элементов интерьера в домах респондентов. Причиной этому явилась интенсивная выездная миграция из Литвы, в результате которой из страны эмигрировало более половины ранее обследованных семей, а в оставшейся половине ныне на родине зачастую живут лишь глубокие старики-пенсионеры, уже давно покупающие лишь продукты и предметы первой необходимости. Однако наполняемость интерьера предметами, несущими сакральный отпечаток, непрерывно возрастает. Причем в первые три года наблюдений она скачкообразно выросла у литовских селян до 67%. Судя по всему, прежде всего по характерному внешнему виду изделий, были извлечены из чуланов ранее не демонстрируемые предметы с остро выраженной сакральной направленностью. Кроме того, в первые годы были скуплены аналогичные изделия на точках при костелах, а также при украшении домов стали использоваться статуэтки, четки и барельефы, поступающие из благотворительных товаров вторичного использования. Возрастала наполняемость дома предметами, причем количественно оценить ежегодные покупки трудно, поскольку обновление интерьера шло также путем замены декоративных предметов, утративших товарный вид. Ныне сакральные элементы присутствуют в интерьере 83% сельских домов литовцев как в Литве, так и в Калининградской области, причем без отношения к их социальному статусу.

У литовцев, живущих в городах метрополии, лавинообразного роста насыщенности интерьера сакральными предметами в начале периода наблюдений практически не было – в чуланах горожане ничего подобного не хранили, и относились к качеству облика своего жилища более тщательно, чем селяне, а оттого случайные предметы интерьера не приобретались. Кроме того, горожане принимали весьма активное участие в трансграничной коммерческой маятниковой миграции и могли тщательно выбирать покупаемые в Польше или

в Германии изделия. Итоговая насыщенность интерьера сакральными изделиями у городских и сельских жителей к настоящему времени почти сравнялась: 83% у селян и 77% у горожан, причем от социального положения респондентов зависит цена, а также наличие или отсутствие китча в интерьере.

Анализ показал, что активность в покупке сакральных элементов интерьера, в конечном счете, в значительной степени коррелирует с уровнем жизни населения. Так, число покупок жителей Клайпеды и Паланге почти в 6 раз выше, чем в Шилуте и Тельшае, хотя наполняемость костелов в праздничные дни свидетельствует чуть ли ни о противоположном соотношении религиозности населения. При этом средняя стоимость чека в сопоставимых ценах на покупку сакральных предметов интерьера все годы всюду возрастала. Опрос покупателей показал, что после того, как соответствующий ассортимент товаров на прилавках стал устойчиво достаточно широким, предпочтение отдается изделиям, «которые более красивы и дороже смотрятся», а отнюдь не более соответствующи национальной традиции.

В Российском Принеманье падение спроса на сакральные изделия до настоящего времени не отмечается. Среди русских католиков повсеместно выявлено существенное покупательское предпочтение изделий религиозного содержания, но все же более светского характера. В результате, очень многие квартиры русских католиков в Калининградской области имеют ныне «красный угол» с установленной на льняном или кружевном платке фарфоровой статуэтки Матери Божьей Лурдской или литографической копии *Mater Mithericordia – Ostra Bramos* (последняя часто, по ортодоксальному обычаю, в металлическом золоченном окладе), а также Виленские вербы. Любопытно, что в некоторых случаях там же помещаются ортодоксальные иконы и православная масляная или электрическая лампада. Несмотря на проявляемое при этом влияние неканонической бытовой биконфессиональности, респонденты испытывают потребность в придании интерьеру жилых помещений именно традиционного католического характера, хотя традиции создания такого облика в значительной мере утрачены.

Результаты

Все сказанное позволило нам сделать некоторые общие выводы о процессе рехристианизации, но лишь в части возрождения бытовой религиозности населения востока Калининградской области. Результаты наших длительных экспедиционных наблюдений подтверждают известное мнение о значительной степени утраты населением Западной Литвы и Калининградской области не только практики сознательного участия в жизни Св. Католической Церкви, но и внутренней готовности следовать за Христом. По эмоциональному заявлению владыки Тадеуша Кондрусевича, «до сих пор традиционную паству вообще едва

ли справедливо полагать не только верными, но даже понимающими необходимость стремления к Свету Христову» [Кондрусевич, 2001]. В то же время, полевые наблюдения показывают, что в изучаемом нами ареале активно идет процесс если не рехристианизации, то, как минимум, восстановления в значительной степени утраченной религиозности, в том числе и католической традиции преимущественно литовского населения как в Литве, так и в литовской диаспоре Калининградской области. Причем, естественно, много быстрее идет восстановление собственно бытовой религиозности, нежели воцерковленности.

У русских католиков бытовая религиозность распространена минимально, как, впрочем, и у православного населения региона. Надо также признать, что религиозность русских католиков чаще идет рациональным путем, что не вполне соответствует канонической позиции. В Калининградской области русские достаточно часто избегают демонстрации своей религиозной принадлежности, что связано с опасениями отрицательного отношения к ним соплеменников, не понимающих возможности духовного поиска.

Важно отметить, что эти факты свидетельствуют об уверенности граждан как Литвы, так и России, в установления в этих государствах равенства вероисповеданий, во всяком случае, относительно Апостольских Церквей. Эти же данные свидетельствуют о формировании в регионе, по обе стороны государственной границы, нормально функционирующего гражданского общества, что подразумевает формирование терпимости граждан к представителям других вероисповеданий, прежде всего, христианских.

В ходе работы выявилась значительная трудность определения степени успешности предпринимаемых усилий по рехристианизации населения постсоветского пространства. Наиболее доступно наблюдение за проявлениями бытовой религиозности. В качестве этнографического маркера этого параметра мы предложили отслеживать наполняемость интерьера жилья сакральными изображениями. Это оказалось также весьма сложной и трудоемкой работой, причем для количественного анализа процесса желательно разделять старые изделия и вновь приобретенные элементы интерьера, что еще более усложняет задачу. Желательно при подобных исследованиях также совмещать этнографический, религиоведческий и этнокультурный анализ.

Заключение

Мы пришли к заключению, что наиболее чистые результаты наблюдений, на которые не оказывают влияние ни не католические группы населения, ни группы высокого социального статуса, достигаются при изучении наполняемости интерьера изделиями сакрального характера традиционного национального абриса. Это оказалось вполне реально для

литовского населения как в метрополии, так и в Калининградской области. Причем выявилось, что через десять лет жизни в условиях реальной религиозной свободы католический оттенок интерьеру своих квартир или домов придали более 80% респондентов независимо от национальности, социального статуса и материального уровня жизни семей, а также исходного состояния интерьера. Скорость этого процесса в значительной мере может служить индикатором восстановления религиозности страны.

Выявлено также, что в настоящее время нет существенной разницы в степени наполняемости интерьера католической мелкой пластикой жилья литовских и русских католических семей. При этом в русских семьях практически нет сакральных предметов литовской традиции, что подчеркивает независимость религиозной ориентации русских католиков от влияния религиозных норм титульной нации.

Библиография

1. Иоанн-Павел II. Верую в Бога Отца всемогущего Творца. М.: Изд-во Католического колледжа Св. Фомы Аквинского, 1998. 380 с.
2. Кондрусевич Тадеуш, архиепископ. Мы – часть Вселенской Церкви // Твой благовестник. 2001. № 1. С. 4.
3. Теста Ж.Б. Таинства в Католической Церкви. М: Христианская Россия, 2000. 352 с.
4. Пейзене Ж., Зубайте М. Проблемы возрождения благотворительности // Проблемы межрегиональных связей. 2009. № 6. С. 26-34.
5. Чюрлионите Я. Литовское народное песенное творчество. М.-Л.: Музыка, 1966. 328 с.
6. Российские контрасты: верующие «атеисты» и неверующие «христиане» // Калининградский католический вестник. 2002. № 85. С. 29-37.
7. Клеман О. Беседы с патриархом Афинагором. Брюссель: Жизнь с Богом, 1993. 121 с.

Ethnocultural traditions of everyday religiosity in the richness of the interior with sacral elements

Vyacheslav A. Shakhov

Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
PhD in Culturology, Associate Professor,
Kaliningrad State Technical University,
236022, 1 Sovetskii ave., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Nikita N. Chernigovskii

The Chancellor of the League
of the Slavs-Catholics of St. Adalbert,
LT-00000, 84-66 Shilutskii trakt, Klaipeda, the Republic of Lithuania;
e-mail: nikapetr3@mail.ru

Abstract

The article illustrates the study of the process of revival of the religious culture of the inhabitants of the South-Eastern Baltic in the period of 1995-2016, including the study of religious sentiments in the families of Lithuanian and Russian Roman Catholics in Western Lithuania and the Kaliningrad region. It is revealed that the process of religious revival both in Lithuania and among the Lithuanian diaspora in Russia is observed primarily among Lithuanians. It is noted that everyday religious feelings and moods (everyday religiosity) revive much faster than formal observance of religious rites. The most striking evidence of this is the growing presence of various sacred objects in the home interior. In the families of Russian Catholics, the sacred objects of the Lithuanian tradition are not reflected, which emphasizes the independence of the religious orientation of this stratum from the influence of religious norms of the titular nation.

For citation

Shakhov V.A., Chernigovskii N.N. (2017) Etnokul'turnye traditsii bytovoi religioznosti v nasyschennosti inter'era sakral'nymi elementami [Ethnocultural traditions of everyday religiosity in the richness of the interior with sacral elements]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 784-799.

Keywords

Religious culture, everyday religiosity, Western Lithuania, Prinemane, sacral images, rechristianization.

References

1. Chyurlionite Ya. (1966) *Litovskoe narodnoe pesennoe tvorchestvo* [Lithuanian folk songs]. Moscow-Leningrad: Muzyka Publ.
2. Clement O.-M. (1969) *Dialogues Avec Le Patriarche Athenagoras*. Fayard. (Russ. ed.: Kleman O. (1993) *Besedy s patriarkhom Afinagorom*. Brussel: Zhizn' s Bogom Publ.).
3. *Ioann-Pavel II. Veruyu v Boga Ottsa vsemogushchego Tvortsya* [John Paul II. I believe in God the Father of the almighty Creator] (1998). Moscow: Catholic College of St. Thomas Aquinas.

-
4. Archbishop Tadeusz Kondrusiewicz (2001) *My – chast' Vselenskoï Tserkvi* [We are part of the Universal Church]. *Tvoi blagovestnik* [Your evangelist], 1, p. 4.
 5. Peizene Zh., Zubaite M. (2009) Problemy vozrozhdeniya blagotvoritel'nosti [The problems of the revival of charity]. *Problemy mezhregional'nykh svyazei* [Problems of interregional relations], 6, pp. 26-34.
 6. Rossiiskie kontrasty: veruyushchie “ateisty” i neveruyushchie “khristiane” [Russian contrasts: believing “atheists” and non-believing “Christians”] (2002). *Kaliningradskii katolicheskii vestnik* [Kaliningrad Catholic newsletter], 85, pp. 37-85.
 7. Testa Zh.B. (2000) *Tainstva v Katolicheskoi Tserkvi* [Sacraments in the Catholic Church]. Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ.